

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2025. № 2(67). С. 11–16
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2025;2(67):11–16

Научная статья
УДК 323.21(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2025-2-67-11-16

ПАТРИОТИЗМ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕХНОЛОГИИ, ПРОЦЕССЫ, ИНСТИТУТЫ

Данил Андреевич Блишун¹, Сергей Николаевич Чирун²✉

^{1,2}Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹blishunov19@mail.ru

²Sergii-Tsch@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации патриотического воспитания в условиях цифровизации общества. Анализируются ключевые технологии, институты и процессы, влияющие на формирование патриотических ценностей в современном информационно-коммуникационном пространстве. Особое внимание уделяется роли медиа, образовательных платформ и государственных программ в конструировании патриотического дискурса.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, информационное пространство, цифровые технологии, медиа, государственная политика

Для цитирования: Блишун Д. А., Чирун С. Н. Патриотизм и патриотическое воспитание в современном информационно-коммуникационном пространстве: технологии, процессы, институты // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2025. № 2 (67). С. 11–16. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-2-67-11-16>.

Research article

PATRIOTISM AND PATRIOTIC EDUCATION IN THE MODERN INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE: TECHNOLOGIES, PROCESSES, INSTITUTIONS

Danil A. Blishunov¹, Sergei N. Chirun²✉

^{1,2}Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

¹blishunov19@mail.ru

²Sergii-Tsch@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

Abstract. The article examines the transformations of patriotic education in the context of societal digitalization. It analyzes key technologies, institutions, and processes influencing the formation of patriotic values in the modern information and communication space. Special attention is given to the role of media, educational platforms, and state programs in shaping patriotic discourse.

Keywords: patriotism, patriotic education, information space, digital technologies, media, state policy

For citation: Blishunov D. A., Chirun S. N. Patriotism and patriotic education in the modern information and communication space: technologies, processes, institutions. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2025;2(67):11–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-2-67-11-16>.

Современное общество существует в условиях интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что существенно влияет на процессы социализации, ценностные ориентации и идентификационные модели [1]. Патриотизм как социально-политический феномен претерпевает изменения, адаптируясь к новым каналам коммуникации. В этой связи актуальным становится исследование технологий, институтов и механизмов патриотического воспитания в цифровую эпоху [2].

Патриотизм традиционно понимается как чувство привязанности к Родине, готовность к защите ее интересов. Однако в условиях глобализации и цифровизации его содержание расширяется, включая следующие модусы [3, с. 135–146]:

- гибридный патриотизм — сочетание традиционных ценностей и цифровых форматов их передачи;
- киберпатриотизм — активность в интернете, направленная на поддержку национальных интересов;
- медиатизированный патриотизм — конструирование образа Родины через СМИ и соцсети.

Таким образом, в современном информационном пространстве патриотизм проявляется в различных формах, каждая из которых имеет свои отличительные особенности [4]. Гибридный патриотизм характеризуется синтезом традиционных и цифровых практик, где офлайн-ритуалы органично сочетаются с их онлайн-репрезентациями. Эта форма отличается комплексным взаимодействием реальных действий и их виртуального отражения, создавая единое поле патриотического самовыражения. Например, участие в реальном митинге с параллельным ведением трансляции в соцсетях или использование QR-кодов на памятниках для получения исторической информации.

Киберпатриотизм, в отличие от гибридного, сосредоточен исключительно на цифровой сфере и проявляется как активность, направленная на защиту национальных интересов в киберпространстве. Его специфика заключается в технологической составляющей — это хакерские атаки на враждебные ресурсы,

создание патриотических ботов, организация кибердружин или массовые кампании в социальных сетях. Если гибридный патриотизм соединяет два мира, то киберпатриотизм существует только в виртуальной реальности, часто анонимно и с использованием специализированных цифровых инструментов.

Медиатизированный патриотизм, в свою очередь, акцентирует внимание на роли медиа как самостоятельного актора в формировании патриотического сознания. В отличие от первых двух форм, он не просто использует цифровые каналы, а трансформирует само содержание патриотизма под законы медиапотребления. Здесь ключевым становится не столько технологическая сторона, сколько способы подачи информации — упрощение сложных исторических нарративов, создание вирального контента, работа с визуальными образами и эмоциональными триггерами. Если киберпатриотизм — это прежде всего действия, а гибридный — синтез практик, то медиатизированный патриотизм — это в большей степени процесс конструирования особой реальности через медиа.

Важное различие прослеживается и в мотивации участников. Гибридный патриотизм часто предполагает осознанное сочетание реальной и цифровой активности, киберпатриотизм движим идеей защиты в виртуальном пространстве, тогда как медиатизированный патриотизм может формироваться алгоритмами и распространяться пользователями, не всегда осознающими его идеологическую составляющую. Эти формы, безусловно, пересекаются и дополняют друг друга, но их концептуальное различие важно для понимания современных механизмов формирования национальной идентичности в цифровую эпоху.

Феномен гибридного патриотизма представляет собой синтез традиционных ценностей и цифровых методов их распространения. Данная концепция требует междисциплинарного анализа на стыке политологии, медиаисследований и социологии.

Гибридный патриотизм можно определить как совокупность практик, объединяющих классические формы национальной идентичности с цифровыми технологиями их репрезентации и трансляции. Его основные характеристики:

- дигитализация символов (флаги, гербы, мемы в соцсетях);
- интерактивность (квизы, голосования, AR-проекты);
- гибридность медиапотребления (одновременное участие в офлайн-мероприятиях и их онлайн-трансляциях).

Теоретической основой исследования гибридного патриотизма выступают концепция «жидкого патриотизма» (З. Бауман), акцентирующая внимание на изменчивость идентичности в цифровую эпоху [5], и теория медиатизации политики (С. Хьюард) изучающая влияние медиа на формирование ценностей [6].

Гибридный патриотизм в цифровой среде проявляется как социальные сети и как платформы патриотического контента, что находит выражение в молодежно-ориентированных формах и технологиях, таких как:

- мемы и виральные ролики (например, #МыРоссия, #СвоихНеБросаем);
- краудсорсинговые инициативы (флешмобы, сбор средств через Telegram-боты);
- геймификация (исторические квесты, патриотические мини-игры).

В патриотическое воспитание активно включается искусственный интеллект, что формирует предпосылки для персонализации патриотизма.

Например, алгоритмы соцсетей формируют «эхо-камеры», усиливая патриотический нарратив, а чат-боты и нейросети генерируют патриотический контент (например, AI-стихи о Родине).

Вместе с тем у гибридного патриотизма есть свои риски и ограничения. К ним, в частности, можно отнести [7]:

- подмену реальных действий виртуальной активностью (кликтивный активизм);
- фрагментацию исторической памяти (упрощение сложных событий в TikTok-роликах).

Киберпатриотизм как феномен цифровой эпохи представляет собой комплекс практик, направленных на защиту и продвижение национальных интересов в киберпространстве. Его изучение требует синтеза подходов из политологии, медиаисследований и кибербезопасности.

Киберпатриотизм можно определить как форму цифрового гражданского активизма,

сочетающую в себе защиту национального цифрового суверенитета, продвижение позитивного образа страны в интернете, противодействие враждебному информационному воздействию.

Теоретической базой исследования выступают:

- концепция «цифрового суверенитета» (М. Кастельс) [8];
- теория сетевого общества (Я. ван Дейк) [9];
- подходы к изучению информационных войн (Т. Рид) [10].

Отличительными характеристиками киберпатриотизма являются:

1. Виртуализация патриотических практик.
2. Глобальный характер при локальной направленности.
3. Высокая скорость распространения информации.
4. Анонимность участников.
5. Стирание границ между государственными и гражданскими инициативами.

Явление киберпатриотизма представляет собой специфическую форму выражения национальной идентичности и гражданской позиции, реализуемую исключительно в цифровой среде посредством современных информационно-коммуникационных технологий. Киберпатриотизм возникает как ответ на вызовы глобализированного медиапространства, где традиционные границы национальных государств становятся все более проницаемыми, а информационные потоки приобретают транснациональный характер [11, с. 86–95].

Сущность киберпатриотизма проявляется в его двойственной природе. С одной стороны, он сохраняет базовые характеристики классического патриотизма — эмоциональную привязанность к Родине, готовность защищать национальные интересы, стремление к позитивной репрезентации своей страны. С другой стороны, эти качества проявляются через принципиально новые практики, возможные только в цифровой среде: хакерские атаки на враждебные интернет-ресурсы, создание и распространение патриотического контента в социальных сетях, организацию кибердружин для противодействия деструктивному влиянию, участие в информационных

кампаниях по защите национального цифрового суверенитета.

Современное киберпространство становится ареной для новых форм гражданской активности, где традиционные понятия патриотического поведения переосмысливаются через призму цифровых технологий. Особенностью киберпатриотизма является его децентрализованный характер — в отличие от традиционных форм патриотического воспитания, иницируемых государственными институтами, киберпатриотические акции часто возникают стихийно как реакция сетевых сообществ на те или иные события. При этом участники таких акций могут действовать анонимно, что создает принципиально новые условия для проявления гражданской позиции.

Технологическая составляющая киберпатриотизма проявляется в использовании специализированных инструментов цифрового воздействия. Это могут быть как простые формы активности вроде массового комментирования или хештег-кампаний, так и сложные технические действия — DDoS-атаки на враждебные ресурсы, создание зеркал заблокированных сайтов, разработка альтернативных платформ для патриотического контента.

Важной характеристикой киберпатриотизма является его глобальный масштаб — несмотря на национальную направленность, такие акции разворачиваются в трансграничном цифровом пространстве, где физическое местоположение участников часто не имеет значения.

Развитие киберпатриотизма порождает ряд этических и правовых вопросов. С одной стороны, он может рассматриваться как законная форма защиты национальных интересов в цифровую эпоху, с другой — отдельные его проявления находятся на грани киберпреступности. Это создает сложную дилемму для правовых систем различных государств, вынужденных балансировать между защитой цифрового суверенитета и соблюдением принципов свободы интернета [12]. Кроме того, существует проблема размывания границ между государственно-санкционированными кибероперациями и гражданскими инициативами, что усложняет международно-правовое регулирование подобной активности.

Перспективы развития киберпатриотизма связаны с дальнейшей цифровизацией общества и усложнением технологий информационного воздействия. По мере того, как все больше аспектов общественной жизни перемещаются в цифровую среду, значение киберпатриотизма как формы гражданской активности будет только возрастать. Это требует глубокого осмысления его природы, разработки четких критериев разграничения конструктивных и деструктивных проявлений, а также создания эффективных механизмов правового регулирования. Особую важность приобретает вопрос о соотношении киберпатриотизма с традиционными формами патриотического воспитания и их взаимном влиянии в условиях цифровой трансформации общества [4].

Сущность медиатизированного патриотизма проявляется в его двойственной природе. С одной стороны, он сохраняет базовые функции патриотизма как социально-политического феномена — формирование национальной идентичности, поддержание гражданской солидарности, легитимация государственной политики. С другой — эти функции реализуются через принципиально новые механизмы, характерные для цифровой эпохи: виральность распространения, интерактивность потребления, мультимедийность подачи, алгоритмическую персонализацию контента.

Современные медиа выступают не просто каналом трансляции патриотических идей, но активным участником их формирования. В процессе медиатизации происходит существенная трансформация самого содержания патриотического дискурса. Сложные исторические нарративы упрощаются до формата мемов и коротких видеороликов, многогранные национальные символы превращаются в легко тиражируемые цифровые образы, а патриотические ценности начинают существовать по законам медиапотребления — требуя постоянного обновления, эмоциональной насыщенности и визуальной привлекательности.

Особую роль в развитии медиатизированного патриотизма играют социальные сети, которые создают принципиально новые условия для патриотического самовыражения. Платформы типа TikTok, Instagram или ВКонтакте формируют специфическую среду, где

патриотизм существует как перформанс — публичное действие, рассчитанное на мгновенную реакцию и максимальный охват. Хештег-кампании, флешмобы, челленджи становятся новыми ритуалами цифрового патриотизма, а количество лайков и репостов превращается в показатель «успешности» патриотического высказывания.

Важно отметить, что медиатизированный патриотизм развивается в условиях острой конкуренции различных акторов за право формировать национальный нарратив. Государственные структуры, коммерческие медиа, гражданские активисты и иностранные игроки ведут постоянную борьбу за доминирование в цифровом пространстве, используя для этого весь арсенал современных медиатехнологий — от таргетированной рекламы до алгоритмического продвижения контента. В результате патриотический дискурс становится полем сложных медийных стратегий, где переплетаются идеологические, коммерческие и технологические интересы.

Развитие медиатизированного патриотизма порождает ряд существенных вопросов и противоречий. С одной стороны, новые медиаформаты делают патриотические ценности более доступными и привлекательными для молодого поколения, позволяют оперативно реагировать на вызовы информационных войн, создают условия для массового гражданского участия. С другой — существует риск подмены содержательной стороны патриотиз-

ма его медийной оболочкой, когда форма начинает преобладать над смыслом, а глубина национальной идентичности подменяется поверхностными цифровыми образами [5].

Перспективы исследования медиатизированного патриотизма связаны с необходимостью осмысления его долгосрочного воздействия на национальное самосознание. В условиях, когда медиа становятся основным пространством формирования патриотических ценностей, особенно важным представляется анализ того, как цифровые форматы трансформируют саму природу патриотизма — его эмоциональные основания, когнитивные структуры, поведенческие проявления. Это требует разработки новых междисциплинарных подходов, объединяющих достижения медиалогии, политической науки и социологии цифрового общества.

Цифровая среда создает новые форматы патриотического воспитания, но требует баланса между инновациями и сохранением достоверности исторической памяти. Несмотря на новые возможности, попутно возникают и определенные проблемы: фейки и манипуляции (использование патриотической риторики в пропаганде); клиповое сознание (упрощение исторических фактов); кибербуллинг (агрессия в дискуссиях о патриотизме). Эффективность патриотических практик зависит от взаимодействия государства, образовательных институтов и медиапространства.

Список источников

1. Малик Е. Н. Мобилизационный компонент масс-медиа в процессе политической социализации молодежи // Социальная политика и социальное партнерство. 2023. № 3. С. 157–167.
2. Марон А. Е., Рословцева М. Ю. Дидактика цифровизации образования: аспект патриотического воспитания кадет // Человек и образование. 2022. № 3 (72). С. 99–105.
3. Кравцов В. В. Политическая пропаганда и СМИ // Вестник Академии медиаиндустрии. 2022. № 1 (29). С. 135–146.
4. Отражение метанарративов в молодежных онлайн-сообществах (на примере Vk и Telegram) / Д. В. Дунас, Д. А. Бабына, О. А. Бойко и др. // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 12. С. 2285–2297.
5. Бауман З. Текучая современность. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 240 с.
6. Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society. London: Routledge; 2013. 165 p.
7. Boyd D. It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens. New Haven: Yale University Press; 2014. 296 p.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. Москва : Государственный университет «Высшая школы экономики», 2000. 608 с.
9. Van Dijk J. The Network Society. London: SAGE Publications. 2012. 314 p.
10. Rid, T. Cyber War Will Not Take Place. Oxford: Oxford University Press, 2013. 218 p.

11. Черницкая А. Л. Патриотический гуманизм и высшее военное образование в русле цифровизации // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2022. № 2 (91). С. 86–95.
12. Zheng Sh. Chinese fans patriotism creating quandary in the digital media era // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2020. № 4. С. 87–111.

References

1. Malik E. N. Mobilization component of mass media in the process of political socialization of youth. *Sotsial'naya politika i sotsial'noye partnerstvo = Social policy and social partnership*. 2023;(3):157–167. (In Russ.).
2. Maron A., Roslovtseva M. Yu. Didactics of education digitalization: The aspect of patriotic education of cadets. *Chelovek i obrazovaniye = Man and education*. 2022;(3(72)):99–105. (In Russ.).
3. Kravtsov V. V. Political propaganda and mass media. *Vestnik Akademii mediaindustrii = Bulletin of the Academy of Media Industry*. 2022;(1(29)):135–146. (In Russ.).
4. Reflection of metanarratives in youth online communities (case study of VK and Telegram) / D. V. Dunas, D. A. Babyna, O. A. Boyko [at al.]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*. 2023;(16(12)):2285–2297. (In Russ.).
5. Bauman Z. *Liquid Modernity*. St. Petersburg: Piter; 2008. (In Russ.).
6. Hjarvard S. *The Mediatization of Culture and Society*. London: Routledge; 2013. 165 p.
7. Boyd D. *It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens*. New Haven: Yale University Press; 2014. 296 p.
8. Castells M. *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Moscow: State University "Higher School of Economics"; 2000. (In Russ.).
9. Van Dijk J. *The Network Society*. London: SAGE Publications. 2012. 314 p.
10. Rid, T. *Cyber War Will Not Take Place*. Oxford: Oxford University Press; 2013. 218 p.
11. Chernitskaya A. L. Patriotic humanism and higher military education in the context of digitalization. *POISK: Politika. Obshchestvovedeniye. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura = SEARCH: Politics. Social Science. Art. Sociology. Culture*. 2022;(2(91)):86–95. (In Russ.).
12. Zheng S. Chinese fans' patriotism creating quandary in the digital media era. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2020;(4):87–111.

Информация об авторах

Д. А. Блишун — аспирант;

С. Н. Чирун — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии и общественно-политических наук.

Information about the authors

D. A. Blishunov — a Postgraduate student;

S. N. Chirun — Doctor of Science (Political), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social and Political Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 23.06.2025.

The article was submitted 23.04.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 23.06.2025.